

Вот и пришло откровение,
вот и вина прощена.
Словно само исцеление,
льется с небес тишина.

Вечеру этому тихому рад,
как и я, соловей.
Просит свою соловьишу он:
— О, пожалей, пожалей!..

От наплывающей свежести
кругом идет голова.
Как мы стесняемся нежности
в мыслях,
делах
и словах.

Долго друг другу заветное
мы не спешим говорить.
Так ведь нам скоро, наверное,
некогда будет любить.

Нам все спокойнее дышится,
а под луной все сильнее
вечное-вечное слышится:
«О, пожалей, пожалей!..»

Слепого палочка ведет —
такая вышла доля.
Не по асфальту он идет,
а будто минным полем.

Глаза незрячие глядят
в неведанные дали,
и еле слышно,
как звенят
на пиджаке медали.

Как шли, он помнит,
на прорыв
рассветными часами...
И до сих пор
последний взрыв
стоит перед глазами.

ПРО ЛОШАДЕЙ

*Становится
все меньше
лошадей.*

Мальчишки позабыли про ночное.
Когда мы это для себя откроем,
то делаемся чуточку грустней.

*Становится
все меньше
лошадей.*

На жеребенка смотрим,
как на диво,
а он шагает так неторопливо
с заезженной матерью своей.

*Становится
все меньше
лошадей.*

И колокольчик смолкнул под дугою,
и тройки не проносятся стрелою
по родине заснеженной моей.

*Становится
все меньше
лошадей.*

Живите, водовозные трудяги,
хотя не кони вы,
а лишь коняги,
но даже с вами мне земля родней.

Становится
все меньше
лошадей.

Вот, распластавшись,
скачут, скачут кони,
когда в кино снимаются погони.
Но от того совсем не веселей.

Становится
все меньше
лошадей.

И, как неумолимое прощанье,
несется их серебряное ржанье.
И остается в памяти людей...

НА ТИХОЙ СОСНЕ

В некошенных травах следы.
Кукушка гадает устало.
И мальчик стоит у воды.
И лодка стоит у причала.

На сердце тревога легка
под светом небесного свода.
И дышит свободой река,
и дышит рекою свобода.

И ты уж не так одинок,
и смотришь на землю влюбленно,
когда тебя каждый листок
встречает улыбкой зеленой.

И вот незаметно совсем
уходит душевная смута.
И хочется верить... Не всем.
А хочется верить кому-то.

Когда от тебя вдалеке
той веры останется мало,
к реке припаду, как к руке,
которая не отпускала.

И вновь уведут от беды,
помогут начать все сначала
тот мальчик у тихой воды,
та лодка его у причала.

* * *

Душа уже почти остыла,
теплу ее настал конец,
и с жадною какой-то силой
так тянет к доброте сердец.

Наверно, время век итожить,
что худо-бедно я прожил.
И как не хочется мне все же,
чтобы угас последний пыл.

Не хочется в седло садиться
и, голову сломя, лететь,
ведь мне тогда родные лица
не различить, не разглядеть.

Я их и так почти не видел
в ненужной суматохе дел,
кого-то невзначай обидел,
кого-то просто не пригрел.

Ах, эта скачка поневоле
сводила, подлая, с ума!
Хотелось вроде лучшей доли,
а вышла — рваная сума.

Но с уст еще слетает слово,
а рядом дышит тишина...
И где-то там надеждой новой
горит калина Шукшина.

СВЕТ МАТЕРИНСКИЙ

Среди сосен безмолвных покой,
ощущение воли...
Мир иной,
он, конечно, иной —
без страданий и боли.

Вот опять я один на один
и с тобой,
и с собою.
Без твоих незабытых седин
ничего я не стою.

И во мне до сих пор пустота,
что ничем не заполню.
Жизнь моя,
как всегда, непроста...
Я люблю тебя, помню.

И со мной — и вблизи, и вдали —
до скончания века
этот холмик родимой земли
над родным человеком.